

Василий ДВОРЦОВ

г. Москва

УДЕРЖАНИЕ РУССКОСТИ В РОССИИ

Задача современности для литературы

Хоронили мыши kota. Как? Традиционно.

Одни пили, пели и плясали, вспоминая притеснения и страхи, от него испытанные. Другие метафизично морализировали о возмездии свыше и натурально философствовали обо всём в этом мире преходящем. Кто-то срочно планировал вечное функционирование всеблагой жизни без агрессии, но рядом некоторые уже пророчествовали о грядущих из-за гор ещё больших бедах абсолютной свободы передвижения и питания. Нашлись даже такие, что чуток привсплкнули по невольной восхищавшей их мощи и харизме величайшего из противников. А уж разделить шкуру желающего набежало явно больше изначально определённого лимита.

Но кот встал и съел всех.

Хоронят русскую литературу. Как? Традиционно.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Рим»: *«В движении торговли, ума, везде, во всем видел он только напряженное усилие и стремление к новости. .... Книжная литература прибегала к картинкам и типографической роскоши, чтоб ими привлечь к себе ох-*

лаждающееся внимание. Странностью неслыханных страстей, уродливостью исключений из человеческой природы силились повести и романы овладеть читателем. Всё, казалось, нагло навязывалось и напрашивалось само, без зазыва, как непотребная женщина, ловящая человека ночью на улице, всё одно перед другим вытягивало повыше свою руку, как обступившая толпа надоедливых нищих».

Хоронят русскую литературу те, кто притесняем своей ничтожностью и устрашаем её величием, чей удел подленькое эпигонство и наглый плагиат, кому в своём семействе-отряде-виде дано утверждаться лишь воровством на кухне и ляганьем мёртвых владык. Пьют, поют, пляшут, пророчат и делят: русский литературный процесс, де, усыхает! де, кончилось, иссякло величие русского творческого слова! и не родятся более таланты на Руси, перевелись её мастера. А отсюда, де, и охладел, выпарился читательский интерес.

Но тише, тише, господа грызуны, литературный процесс – это процесс народного самоопределения, самоосознания и самочувствования, это основосоставляющий, сущностный хребет нацио-

нальной культуры, и потому пока жив русский народ, ну никак не может умереть его литература. И не стоило бы никому спешить её хоронить.

Культура нации, тем более имперской – живая интеграция, симбиоз множества субкультур самых разных психологических типов, нацию составляющих. Тут племенные группы и религиозные общины, сословия и возрасты, цеха, союзы и товарищества: словене поморские и русины карпатские, угры пермские и мансийские, тюрки волжские и ленские, эсты, армяне, адыги, шорцы, уйгуры, орочи, коряки... а из них – службисты-дворяне и идейноносцы-разночинцы, амбициозная интеллигенция и меркантильное мещанство, косное духовенство и студенты-протестуны, кулаки-мироеды и юродивые нестяжатели, вольницелюбивые казаки и прочие юристы... И кто из сих взбирается по социальной лестнице на властную вершину, тот и придаёт всему зданию обобщающий фасад. При сохранении внутренней полноты разнообразий, разноцветий и разнозвучий.

Беда же нашего времени в том, что доминирующий на сегодня в России психотип циничного скоробогатого прагматика не просто задаёт тон, но стремится тотально подчинить своей субкультуре культуру общенациональную. Взлетев во власть насильно-революционно, то есть не совсем по сложившимся правилам, это активное мировоззрение не знает иной формы реализации, кроме как диктатуры: неправедность-греховность природы своей власти оно пытается прикрыть-оправдать греховностью природы всеобщей. Для чего во всех социально-гуманитарных сферах безоглядно-наскоро рубятся и выкорчевываются вишневые сады.

Ох, почему революционеры так плохо учат историю? Корабль, на котором все только капитаны или кочегары, при несомненном удобстве взаимопонимания неизбежно сядет на мель, – и это в лучшем случае. Жёсткая, категоричная социализация картины мира только под одну точку зрения – причина контрреволюций. Главная их причина: ведь психические типы со времён Адама не подвержены изменениям ни насилем педагогики, ни генетическим отбором, и чрезмерно ущемлённые и сдвинутые, они, рано или поздно, обязательно взрываются. И не экономическими обидами или политическими страстями, а именно мировоззренческими мотивациями. Бессмысленно ли? Это смотря с чьей точки зрения. Но то, что беспощадно, несомненно: кот съедает всех.

Искусство – одно из тех немногих полей интеллектуальной деятельности, на котором

многоцветье субкультур соседствует и даже конкурирует безконфликтно. Более того, творческое взаимодействие, взаимопроникновение и взаимовлияние здесь весьма зримо и скоро плодотворит, обогащая и развивая всех соучастников, особенно меньших и окраинных, это многоцветье составляющих. Искусство – важнейшая скрепа жизни нации. Лиши нацию внутрикультурного, творческого конкурирования, живого художественного взаимодействия, и её разорвёт. Под догматическим насилием обязательного для всех единомыслия и единочувствия сублимируются такие энергии, что не удержит никакая террор. Старшее поколение хорошо помнит общественную реакцию на соцреализм в его апофеозе. Однако нынешняя гегемония убеждений «экономической целесообразности» для большого, настоящего искусства обернулась тем, что все реально творящие сегодня ощущают себя «хуже, чем при советской власти». Ведь если тогда художника угнетала некая обязательная недоговорённость, то теперь он обречён на полную невыговоренность.

Рынок-рынок-рынок... В современной России рыночно-конкурентных – именно обещанных конкурентных! – отношений нет ни в чём. За двадцать лет как бы «дикого» капитализма во всех сферах жизнедеятельности завершилась коррупционно-картельная монополизация, в том числе и на рынке искусства. Я уже не раз высказывался по поводу сложившегося расхождения интересов книготорговцев и авторов, писал о необходимости различения *литературного процесса* и *литературного рынка*, о фальсификации, подмене статусного народного звания «русский писатель» космополитическим понятием бизнеса «успешный автор реальной литературы».

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Портрет»: *«На другой же день, взявши десяток червонцев, отправился он к одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; был принят радушно журналистом, назвавшим его тот же час «почтеннейший», пожавшим ему обе руки, расспросившим подробно об имени, отчестве, месте жительства, и на другой же день появилась в газете вслед за объявлением о новоизобретенных сальных свечах статья с таким заглавием: «О необыкновенных талантах Чарткова»: «Спешим обрадовать образованных жителей столицы прекрасным, можно сказать, во всех отношениях приобретением. Все согласны в том, что у нас есть много прекраснейших физиогномий и прекраснейших лиц, но не было до сих пор средства передать их*

на чудотворный холст, для передачи потомству; теперь недостаток этот пополнен: отыскался художник, соединяющий в себе что нужно».

Что нужно... А, кстати, что? И кому? Через скупленные товаропроизводителями СМИ в общественном сознании реальные лидеры литературного процесса подменяются шоуменами. Наивная наглость, с которой экраны и газетная бумага блефуют, назначая гениев, заявляя «бестселлеры» и вострубляя «хиты», давно даже не смешит. Ну неправда всё это! Не навершие это литературного процесса, а маргинальные наросты. И именно отсюда, из этой лжи, из унижающего представления о русском читателе как о примитивно-всепожрающем рабе рекламы, и охладевает в обществе интерес к книге, падает покупательский спрос.

Нет, литературный процесс рынком не игнорируется. Имитация и фальсификация творчества убедительны лишь в отсутствии истинного художества – цыганскую бижутерию не выложишь на прилавке рядом с настоящим ювелирным изделием. Поэтому литературный рынок самой своей природой просто обречён преследовать литературный процесс, затирать его участников и их произведения. Какие финансовые, какие аппаратно-чиновничьи ресурсы брошены на то, чтобы современная читающая Россия не узнавала о своих новых талантах и забывала прошлые! Ну невозможно же поверить, что государство, замахивающееся на олимпиады и футбольные чемпионаты, никак не находит сил на ежегодное программное обеспечение детско-юношеских и школьных библиотек книгами нравственно-гуманистического, патриотического, гражданского содержания и при этом высокохудожественного письма. Здесь не бессилие, здесь явна, гм, ...чья-то злая воля, ведь весьма регулярно библиотечные коллекторы набиваются бульварным неликвидом избранных издательских монополистов – за счёт налогоплательщиков.

Мы на собственном опыте познали, как безграничное доминирование одного психотипа несёт нации не просто некую ущербность культуры, а провоцирует массовое одичание. Так, подавляя и принижая иные субкультуры, гегемония идеи скоробогатства нарушила сложнейшие, сложившиеся за века общественные системы сотен и тысяч живых противовесов и взаимоупоров, вызвав из небытия, казалось бы, давно забытые мировоззренческие конфликты, хаотизировав взаимовоздействия социума, она запустила процессы внутригосударственных расколов и войн. Эгоцентристским упрощением-уплощением многоцветья общенационального домостроя правящее скоробогатство

обнаружило полнейшую неспособность планировать и строить будущее для всех, своей природной ограниченностью восприятия времени обрекло уже не одно поколение России на новую посадку на цепи кощеев и уталкивание в кувшины джиннов раздоров и обид.

Мы, выращенные в СССР и вызревшие в РФ, убеждены личной жизнью: любая субкультурная гегемония – классовая, кастовая, сословная, возрастная, политическая, экономическая, националистическая, космополитическая – равно гибельны для нашего имперского общежития. *Вечная Россия – живой, реагирующий на вызовы времени собор*: неслиянное единение, несмесимое согласие. И иерархия управления (вертикаль власти) у нас состоятельна только при ясном стремлении ко всеобщей гармонизации. Истинная империя полногласна и симфонична, в ней власть и народ доверительны.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Как умно определял Пушкин значение полномошного монарха и как он вообще был умён во всём, что ни говорил в последнее время своей жизни! «Зачем нужно, – говорил он, – чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон – дерево; в законе слышит человек что-то жёсткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдёшь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в полномошной власти. Государство без полномошного монарха – автомат: много-много, если оно достигнет того, чего достигли Соединённые Штаты. А что такое Соединённые Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит».*

Культура ограничивает внешние свободы. Культура сковывает нутрянной эгоизм. Культура не украшает, а укрощает, она – сужающийся волевой коридор, по которому человечество следует из своей тварной животности в предписанную божественность. Именно поэтому самоубийственны расшатывания и ослабления сложившихся культурных структур: чем выше возведена плотина запретов, тем катастрофичнее её прорывы. И поэтому же все атаки на культуру, попытки избавиться от неё проходили и проходят под флагом «свобод». Вульгарное ли это развращение или эстетизированная натурфилософия.

Культура – материализация культа. И нам, русским, наследникам дел и носителям идей Российс-

кой Империи, которая есть материализация Вселенскости Православия, всегда необходимо помнить, что атаки на нашу культуру – атаки на нашу веру. Ведь рвущиеся к нам с Запада якобы всё новые и новые «свободы человека» на самом-то деле вековечные от первого грехопадения «свободы» от человека, от общества, от совести, от Бога. «Гуманизм», «либерализм», «глобализм», «эмансипация», «толерантность» и прочие «освобождения» личности – всё суть её атомизация. Атомизация, выхолащивающая лики-личности в маски-персоны, универсализация, распыляющая собор в толпу, плюрализм, расщепляющий объёмы иерархий в сетевые плюскости – всё истолчение, извращение духа через унылое, смердяковское ницшеанство, через базарный нигилизм – когда каждый против каждого.

В литературе это отражается заменой героя: героя – любимца народа, на оригинала, отторгаемого «массой»; героя, жертвующего собой «за други своя», на презирающего «толпу» нарцисса. Бульбы на Рахметова. Алеши Карамазова на Челкаша. Корчагина на Живаго. Нагульного на Мастера. А в своей сути – Христа на антихриста.

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как сделать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский. Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и всё, что ни есть в России. К этой любви нас ведёт теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри её и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви».*

Вот здесь по нашей литературе и пролегает водораздел *русского и русскоязычного*. Деление это не на уровне этническом-национальном, и даже не на культурном, а выше – оно духовное, ибо оно есть исполнение или отрицание заповеди «Да любите друг друга». Всё русское – в любви к ближнему. А русскость – главный критерий оценки творчества писателя России. Славянина ли, тюрка ли, угра, монгола...

Сострадание – первый признак русскости литературы

Вопрос русскости сегодня стоит острее, он воспалённей и болезненней, чем когда-либо. Почему? Сегодня государственность, которая,

как во времена Орды, строится на полном игнорировании великорусской культурно-религиозной матрицы, не просто в кризисе, а в тупиках всех своих ролей: управленческих, защитных, судейских, этнических, социальных. Именно такая государственность глобального золотого тельца рушилась на Куликовом поле и на Угре, обречена она и теперь. И никакие ажиотажные цены на разграбляемые недра не в состоянии более подерживать иллюзий какого-либо экономико-научно-технологического прорыва. Научная, промышленная и военная деградация, экономическая и продовольственная зависимость от системных мировых кризисов, народное неверие прозападной власти, выразившееся «русским крестом» вымирания, в этой системе уже необратимы.

При этом мы свидетельствуем встречный процесс – может быть, медленное, но постоянное воцерковление народа. Число не только принимающих обряд крещения, но и полноценно религиозно живущих, растёт, прибывает. И неотвратимо грядёт тот, столь долгожданный, столь выстраданный день, когда, накопив необходимую численную зависимость от системных самосознание восстановит своё православное единство духа, обретёт молитвенную сплочённость в исповедании Истины и национальное согласие в устройении Отечества.

Родина даётся человеку как новый рай, как вероятная возможность трудом в поте лица искупить праотцово грехопадение. Но исполним ли мы в Родине предписанное нам Господом или будем вновь извергнуты? Устоим ли мы в праведности, обращая пустыни в сады, или опять падём, растлевая сады в пустыни?..

Летом 2009 года в Оптиной пустыни монашествующие приветствовали нас, писателей, как «сотрудников словом и сослужителей Слову». Однако всё ли так благобно? Почему воцерковление народа идёт в параллели с общественным охлаждением к чтению?

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Чем выше истины, тем нужно быть осторожнее с ними, иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога... Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда приходит к писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады, или гнева, или ка-*

кого-нибудь личного нерасположения к кому бы то ни было, словом – в те поры, когда не пришли ещё в стройность его собственная душа: из него выйдет такое слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желанием добра можно произвести зло».

Видимый кризис культуры – в оскудении или вообще прекращении творческого прирастания. Видимый кризис культуры всегда связан с внутренним ущербом её философских, нравственных, убежденческих и метафизических оснований. И одно дело – кризис в душе художника, внутрисердечный разлад его как творца и человека, самоспор поэта и гражданина, взаимообиды жителя иных миров и брэнного семьянина. Порой такой разлад переходит в отрицание действительности, в нежелание её, и тогда удушье от несправедливостей мира поражает художника неспособностью создавать истинно вдохновенные произведения: *«Беда приходит к писателю в те поры, когда он находится под влиянием страстных увлечений, досады или гнева...»* Как много мастеров слова в перестройку впали в плакатность, в обличительство, вступили в перебранку с ненужным, как много просто замолчало, замкнулось-самосожгло. Но всё же подобные судьбы не обязательная черта конкретного исторического периода – личностные творческие депрессии, то множась, то минимизируясь, постоянно присутствуют в литературном процессе. И каждый раз эти трагедии индивидуальны.

Но есть кризис, который переживает вся Россия, и переживает именно сегодня. Это действительно ситуационный, характеризующий наше время кризис взаимоотношений художника и его аудитории – *невострбованность культуры*. В нём много составляющих: и государственное «невмешательство» в материально сверхобеспеченную агрессию идеологии общества потребления, глобально уничтожающую все национальные культуры, и «пятая колонна», под лозунгом борьбы с «тоталитарным наследием» атакующая нашу русскость, и отсутствие у постсоветского человека иммунитета перед соблазном скоробогатства. Но главное – это общий *синдром безвременья*, со всеми его симптомами: отказом от прошлого, неприятием настоящего и отрицанием будущего. Свидетельствуемая нами бомжовая безответственность общества – реакция на пережитый шок идеологического, государственного, территориального, экономического, социального сломов. Отсюда, из этого шока проистекает *индифферентизм к культуре – как отказ народа от самонаблюдения и самоб-*

людения, самооценки и самовоспитания. Здесь корень национального обезволивания: унижающая русских реальность отзывается их нежеланием самоидентифицироваться.

Однако нельзя в сегодняшней невострбованности культуры не видеть доли вины и самих людей творчества, писателей прежде всех.

Всем всё понятно с литературным рынком. Там, согласно западной практике, чтобы стать «успешным», нужно уметь либо развлекать публику, либо её эпатировать. В первом варианте «издательский проект» запускается как «брендовая» серия, во втором раскручивается как «бестселлер». По-любому, главный критерий ликвидной литературы – сюжетность. Герой-вождь коммерции, герой-гений продажности – сюжет. Увлекающий. Развлекающий. Отвлекающий. Для бульварной литературы сам человек, с его религиозно-нравственными, психологическими, философскими метаниями и поисками, не нужен.

Специфика же литературного процесса в том, что, освобождённые от госцензуры и расцветшие разнообразием тем и наименований книги реальных современных писателей оказались не нужны для контролируемых несколькими издательскими картелями торгово-распространительных сетей. Сотни и сотни замечательных поэтов и прозаиков России сегодня лишились выхода к читателю. Так что если книг по названиям и печатается в разы больше, чем когда-то в СССР, однако, изначально обесмысленные коммерчески, эти книги выйдут крохотными тиражами в пятьсот-тысячу экземпляров. Такого количества едва лишь хватает на внутривидеопрофессиональный обмен.

Лишённые необходимой читательской реакции, писатели сегодня работают, всё более ориентируясь на отклик коллег, что чревато неким уклонением в ремесленнические изыски, в композиционные, стилевые и стилистические игры, грозит схлопыванием в корпоративную герметичность. Ибо в такой безаудиторной, безответной литературе есть опасность, что человек тоже станет не самым важным, и мы как-то уже опасно долго не видим новоописанных типов, не слышим новых нарицательных имён. Притом что переживаемое время своей обнажённой трагичностью просто осыпает нас бесчисленными примерами мужества и ломкости, стойкости и предательства, духовного преображения и нравственного перерожденчества. Материала, живого материала для художественной разработки ныне не меньше, чем в началах прошлого и позапрошлого веков, не меньше, чем в години

войн и прорывов в космос, однако даже у живописцев что-то не выходит полножанрового изложения современности, даже у них всё эпическое в древностях – князья, богатыри, не мы... А мы – или в мелкотемных финтифлюшках, или в фантазийной безответственности.

А ведь главная, почти единственная задача русского искусства – свидетельствовать жизнь человеческой души в её богоискании, богоотрицании и богопознании, в соблазнах гибели и благодати воскрешения, весь смысл русского художественного творчества в отражении и описании развития внутреннего человека, его преображения. Душа человека – вот что должно отражаться в произведениях искусства. Виденья и веденья человеческой души ждёт от русского автора русский читатель. И оттого-то, кроме прочих причин, не востребованы сегодня книги, что наш современник не видит в них своего отражения, не видит приоткрытия тайны своих сердечных мук и радостей, своих страхов и чаяний. Не находит он на пахнущих типографской краской страницах вопросов-ответов жизни и смерти, любви и чести, правды и долга, что терзают его и озаряют, жгут и утешают.

В нашей развороченной, разорванной, надруганной России как никогда читатель жаждет сострадания. И на эту тягу сердца к сердцу невозможно никакая ответная фальшь ни за маской вежливости, ни в философии киников, ни под профессиональностью воплей наёмных кликуш-плакальщиц. Не удастся спрятать авторскую несострадательность ни за эпохальной темой, ни за оригинальной конструкцией, ни за изысканной стилистикой. Каким бы узорочным слогом ни вышивались тома, каким бы метафорным кружевом ни выплетались, сколькими зверствами царей ни дыбились, какими кознями спецслужб и масонов ни припутывались – если не уронится девичья слезинка на страницу, если не воспалится юноша жаждой всеобщей правды и счастья и старик не завертится совестной бессонницей, – всё это мимо, всё пусто, безнадобно. Сколько берёзок, ржи и двуперстий ни накладывай – не русско.

Книга всегда разговор личный, писатель и читатель всегда один на один. Сердце к сердцу, душа в душу. А разговор по душам, беседа душ ведётся языком лирики. Лиризм – уникальное свойство русской культуры. Это не сентиментальность германцев, не сплин англичан. Не испанская романтика. Русская лиричность непереводаема, она непередаваемо тонка, тиха, она только наша и только для нас. Лиричность выше смысла, выше тона, она – *русская душевность*.

Лиризм – второй признак русскости литературы

Да, многие элементы культуры объективно обусловлены исторически. Так нашей сей-историей (не новейшей, а сегодняшней, нынешней, текущей, оной – сей) объясняется общественный заказ на «старение» писателя. Современный читатель, переживший 20-летие великих потрясений, ищет в литературе авторов не безответственно революционных и модерновых, а умных и совестных, с которыми есть о чём посоветоваться, у которых есть чему научиться. Лицедейский нигилизм в контексте реальной национальной трагедии давно уже всех утомил, да и «открытия» в девяностых «рисковых молодых» с их декларативной жестью и патологиями оказались не более чем культуртрегерскими играми рынка.

Поэт юридически не обязан быть гражданином – и социальность не единственный источник его вдохновений, да и «правлящий режим» ему ох как зачастую чужд. Не обязан поэт быть и учителем: менторство убийственно для творчества. Но есть любовь, есть сочувствие... Читатель всегда ищет в большой, настоящей литературе свидетельств и толкований своему бытию – внешнему и внутреннему. А сегодняшний читатель, участник и жертва затянувшейся смуты ищет в книгах особенной мудрости. Мудрости, что не увязывается ни с жизненной опытностью, ни с учёностью, а принадлежит области религиозной. Ибо *мудрость определяется нравственностью*: «Начало премудрости есть страх Божий». Знания лишь придают изначально культовой данности дополнительную культурную устойчивость.

Третий признак русскости – нравственная неколебимость

Почти уж два века тому назад, Николай Васильевич Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями»: *«Если писатель станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиной неискренности, или необдуманности, или поспешной торопливости его слова, тогда и всякий несправедливый судья может оправдаться в том, что брал взятки и торговал правосудием, складывая вину на свои телесные обстоятельства, на жену, на большое семейство, словом – мало ли на что можно сослаться»*.

«Соработники словом и сослужители Слову». Литературный процесс глубиной художественной проработки новоприобретаемого народного

опыта, полнотой охвата его тем и сюжетов должен постоянно отвечать интеллектуальным и эмоциональным запросам общества. Труд писателя – в осмыслении, отборе и эстетизации характерных фактов и главных тенденций современности, уложении их художественными образами в фундамент мировоззрению будущего. Из века в век, от поколения к поколению. Написаны книги восемнадцатого века, написаны девятнадцатого и двадцатого. Пишутся двадцать первого – Бог каждому времени посылает своих свидетелей. Невычислима и необъяснима раздача Им талантов, но в том, с каким постоянством и щедростью осыпается литературная Россия благодатью вдохновений, есть наша непреходящая радость сознания Его любви. Наша уверенность и сила, наше оправдание. Оправдание через промыслительную надобность своему народу.

Поэт нравственно обязан быть народным. В России понятие народности в оценке писательского труда неизменно, пожалуй, со времён Дмитрия Веневитинова: народность «отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стране, но в самых чувствах поэта, налитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера». О одиночестве и Аполлон Майков: «На нас, писателях, лежит великий долг – увековечить то, что мы чувствовали со всеми. Нам следует уяснить и осязательно нарисовать тот идеал России, который ощутителен всякому». Аполлон Григорьев: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат ключами к разумению эпох – организмов во времени, и народов – организмов в пространстве». А в молитвенной формуле Церкви: «единеми усты и едином сердцем».

Так только и следует понимать: сегодняшняя политико-экономическая изоляция писателей от читателей, искусственное отчуждение интеллектуальной элиты от своего народа, коррупционно-рыночный зажим «голоса масс» – преступление против промысла Божия.

* * *

Ваномальной ситуации отсутствия читательской реакции писателям как никогда необходима литературная критика, необходима её ориентирующая помощь в сохранении взятого направления, в удержании уровня, в защите от отчаянья трудового одиночества.

Русская литературная критика, со своей специфичностью развития из «штилевых» споров времён

Тредьяковского и Сумарокова – через перетягивание каната философией эстетики Веневитинова с эстетической публицистикой Белинского, через все «измы» ХХ века – до победного прорыва лобановского национализма сквозь яковлевский коминтерн, русская критика никогда не укладывалась в рамки меж искусством и наукой, меж поэзией и литературоведением. Она всегда была грозным фронтом мировоззрений и наковальной общественного мнения. Рецензии, обзоры, критические и проблемные статьи, монографии и диссертации, вроде бы только оценивающие и истолковывающие, глоссирующие и комментирующие новоявленные художественные произведения, зачастую становились у нас политическими и гражданскими актами, религиозно-исповедальными поступками.

Поэтому не будем даже поминать хоронёров русского литературного процесса. Пусть глумятся, пусть поют и пляшут, морализируют и философствуют, пусть делят нашу шкуру. Разрушение России и конец русской культуры – их природные чаянья. И корм.

Мы же о нашем.

От начал Киевской и Ладожской Руси мы лишь Ордынским периодом выпадали из общеевропейского цивилизационного котла. Союзничая и воюя, заимствуя и конкурируя, столетиями наша политика и искусство, торговля и товаропроизводство, образование и наука заплетались и диффузировали с европейскими. А преодоление Смуты, колонизация Зауралья и выход к морям позволили нам занять достойное место в ряду нарождающихся империй, разносящих, цивилизаторствуя и стандартизируя под себя местные культуры, европейскую законность и просвещение колониям Америки, Африки и Азии.

Мы – европейцы. Но восточные. И дело не в кровном противостоянии славян и германцев, угров и кельтов, ромеев и тюрков, главное, в чём мы упорно сохраняли и развивали свою самобытность, свой культурно-исторический тип – в нашей вере, в нашем Православии. Однако с революций Петра мы, вначале аристократией, а затем и всё более широкими кругами коммуникативно и этикетно, идейными увлечениями и политическими пристрастиями, причёсками и одеждой становились европейцами прозападными. А далее коммунистический атеизм подсёк нашу вероисповедальную культуросозидающую и государствообразующую ось, «свободой совести» духовно сравнив нас с уже музейно-католическим или, точнее, с иудео-протестантским меркантилизмом, лишив перспектив самобыт-

ного развития. Ныне деспотия капитализма окончательно синхронизирует наши управленческие, образовательные и культурные институты с западноевропейскими, обрекая и рационально, и сенсуально русских детей становиться космополитами. И именно поэтому наш экономико-управленческий афронт, наше российское национально-социально-политическое фиаско – только фрагмент, всего лишь частный случай *крушения общемирового прагматизма и утилитаризма*. Конца рационалистической цивилизации Великого Инквизитора.

Заведенная атеизмом в мировоззренческую несамостоятельность, перестроечно-застойная РФ ныне в тупиках глобализационных. Королевства и республики, империи и колонии, военные блоки и экономические союзы, банковые и торговые сети, картели и корпорации, династии и кланы, аристократии и общественные движения, научные сообщества, политические интернационалы, народные фронты, партии, мафии – всё то, что скрепляло, регулировало и упорядочивало отлаженный под западноевропейское постхристианство механистический мир научно-технического прогресса, вдруг разом завибрировало, закружилось и впало в невозвратное пике производственных стагнаций, банкротств, дефолтов, революций и войн. Кажется, сама Земля сотрясениями и цунами, пожарами и тайфунами пробуждает и возбуждает человеческое сознание, нудя сбросить рутинёрство материализма.

И так уж нам посчастливилось родиться во время перемен, но все мы участники и свидетели заката и восхода культурных эпох, свидетели и участники принципиального переворота человеческого сознания. Так уж нам посчастливилось, но именно на нас закончилось трёхсотлетие искушений, убеждений, наслаждений и насилий безбожностью. И нам выпало встречать *возвращение миру религиозного типа мышления*, реставрацию религиозно устроенных обществ и государств, возрождение религиозного бытия народов.

Так уж сложилось – наша стража перед рассветом, и это нам промысленно в самый тёмный час послужить живой, чувствующей и мыслящей связью, стать живыми проводниками меж сменяющимися цивилизациями, вынося из ветхости в новостное самое ценное, самое сугубое, стволуемой смысл всего нашего существования – нашу русскость.

Потому как сегодня, *нашей* сей-историей перед *нашей* культурой, *нашей* литературой, и в том числе перед литературной критикой ставится задачей

ни больше ни меньше как **удержание русскости в России**. *Это главная национальная идея, главная мысль о будущем и главный план действия в современности. Задача эпическая, требующая сверхподвига, сверхотдачи, полной подчинённости себя осознанной и прочувствованной миссии. Но всё же выполняемая.*

Необходимо лишь волевое, добро-волевое, желанно-волевое принятие на себя ответственности за своё время. За его непрерывность, непресекаемость, связность.

Необходимо лишь сознание, нерасслабляемое, сосредоточенное сознание того, что, чем бы мы ни отговаривались и как бы ни отнекивались, но нам придётся отвечать за данную здесь краткость перед Судом вечности.

Необходимо лишь бесстрашно открытое, нелукавое и неленивое сердце, сердце, через которое прокачивается горячая кровь наших отцов и наших детей.

Необходимо лишь постоянно вслушиваться внутри себя к путеуказующему зову отъятого за отступничество Рая, звучащему мелосом данной нам на стойкость Родины.

Необходима лишь ясная, неотвлекаемая память о том, что смысл нашей жизни – любовь, суть наших трудов – любовь, и даже смерть – не смерть, если она во имя любви. Во имя Бога, который и есть Любовь.

Страшно? Да. Но не тоскливо. Потому как не впервой.

Смену цивилизационных эпох Русь-Россия переживала неоднократно: Киев, Орда, Москва, Петербург, СССР... И каждый раз через все ужасы и скорби, гнев и нужды переходных смут и порубежных раздоров проносили мы своё русское предназначение, сохраняли завещанное, выдерживали свой смысл. А затем непостижимо скоро, словно претерпевший страдания Иов, восстанавливали утерянное добро, приумножались числом и возносили хвалу Богу за всё ниспосылаемое.

Но была в прошлых испытаниях за нами поручка, стояла сила, на которую прочно опиралась наша русскость – народные чёрные сотни, чёрные тысячи, миллионы. До последних времён была Россия страной крестьянской, и в этом-то крестьянстве, в косном его консерватизме и упёртой неизменности, спянных из двухтысячелетнего хлеборобства и тысячелетнего Православия, хранились наша самобытность и наша самостоятельность. Проверенная историей мощь христианско-крестьянской культуры, духовное богатство христоролюбивой деревенщины покоили уверенность русского человека любого

сословия и положения, любого образования и философского уклада в невозможности национального нашего растворения ни в Востоке, ни в Западе. А вот теперь...

Домирающая деревня не сможет более выставить ополченцев ни против плотского врага, ни против бесплотного. Разорённо-бесперспективная, она отступила, отжалась в южное Черноземье, опустынив центральную и северную Русь, запогостив былые выкосы и пахоты. А у нынешних огородников, фермеров и батраков атрофирован, за совхозные поколения изжит сам дух крестьянства-христианства – и реденькие поселковые храмы собирают на литургии десяток-другой немощных и убогих. Нет больше за нами той силы, деревня сама молит о спасении.

Мы теперь крайние. Страшно? Да. Но не тоскливо.

Потому что уже верим. Потому что уже знаем свободу. Которая и есть вера: свободное действие в согласии с Промыслом. Ведь переболели мы уже, перестрадали своё блуждение из свободы-любви жизни в «осознанную необходимость существования». Существования ради существования, существования для и во имя существования.

Кто «мы»? Ну уж не те, кто порождён лишь «разделением труда на умственный и физический». Русская интеллигенция и западные интеллектуалы – да, понимающие, да, думающие, разумные. Условия появления общественного слоя «людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры» и на западе Европы и на востоке вроде бы были одинаковы, время – близко. Более того, наша интеллигенция, выходящая из петровской бюрократии, нянилась иезуитскими и лютеранскими школами и лицеями, религиозно вскармливалась польско-киевской схоластикой, морально – слухами о французских «свободах, равенствах и братствах», она училась видеть окружающую Россию глазами итальянских художников, рассуждать о её благе немецкой философией, планировать английским экономизмом. Но! Но всё равно она так и не стала синонимом западноевропейского интеллектуализма. Не стала благодаря этой самой своей «принадлежности высокой нравственности» – своей корневой русскости, исходно-родовой православности. Сомневаясь, вольнодумствуя даже до богоборчества, а точнее, протестуя против устроенного по всё тому же европейскому образцу синодально-государственного религиозного формализма, русская интеллигенция, соблазняясь «возможностью проявления своей воли на основе осознания зако-

нов развития природы и общества», по полной испила всю желчь «своей воли» рабства антихристу, «в белом венчике из роз» поведшим страну всё убыстряющимся революционным шагом в ад.

Зато есть теперь у интеллигенции очень личный опыт переживания горько-вечного евангельского сюжета: это сын, отделяясь в самоотечение, забывает об отце, но отец-то ждёт сына всегда. Это человек в самолюбовании оставляет Бога, Бог же человека никогда.

Русская интеллигенция собою в себе переболела-преодолела безумие прагматизма, и жертвенной кровью, скорбями и унижениями выстрадала, вымолила своё возвращение из утилитаризма. Теперь она уже верит *зная*. И полнятся городские храмы до пределов, и сколько бы новых приходов ни регистрировали, и сколько б церквей ни восстанавливали, ни строили – городские храмы заполняются. И встают рядом с уже раскаявшимися даже не сомневавшиеся – а это и есть *возвращение миру религиозного мышления*. Пенсионеры и школьники, женщины и солдаты, молодожёны и ветераны, профессора и студенты, музейные работники и офисные служащие – храмы наполняются новым народом для созидания новой России. Потому-то и не тоскливо.

«Соработники словом и сослужители Слову»... Исторически русская литература признаваема вершиной роста-развития национального самопознания, чувственным остриём общественного самоощущения. При этом литература у нас не подменяет философию и не отвергает социологию, просто то, что наш писатель высказывает, потом учёный доказывает: у русских интуиция всегда опережает логику, и настоящий писатель рождён видеть энергии, ещё только в мир входящие, слышать пульс едва начавшегося процесса, а не анализировать уже свершившиеся и доказанные факты.

Писатель – физиолог бытия, философ – его анатом. Писатель особым даром оголённости своей души, инструментами обнажённой сенсорики улавливает дух времени и переводит его в образ, передавая далее общественному сознанию. Ведь действительно, русским обществом принимаются, разбираются-осмысляются и усваиваются только те идеи и представления, что перед этим были уловлены, прочувствованы, просмотрены и отцежены через этико-эстетические сита русской литературой. Наша литература – всегда интеллектуальное поле риска, идейное первопродчество, мыслительная разведка боем. Нередко литературные сюжеты в России пе-

реходят в реальные исторические события, и литературные типы становятся их действующими лицами. И критика тогда первой из наук излагает-толкует увлеченное писательской интуицией нечто только начинаемое.

Да, в период от Ломоносова до Пушкина литературная критика практически не выходила за вкусовщинное распекательство. Новиков в «Путешествии на Парнас» так живописал критиков: «Вид их был угрюмый и свирепый; глаза сверкали как молния, а языком они никого не щадили». И писатели не только к ним не прислушались, но в меру сил игнорировали их фельетоны и сатиры. Ответной реакцией стало внутреннее межавторское рецензирование, герметично символическое – так называемая «масонская литературная критика»: «арзамасцы» хвалили или порицали творения своих собратьев согласно критериям, непонятым непосвящённым.

Первые системно внятные разборы произведений у нас начались в литературных кружках-объединениях Станкевича в Москве и Пушкина в Санкт-Петербурге. Как ни курьёзно, но российская критика своим появлением на свет обязана цензуре: передовая дворянская молодёжь, порусски безоглядно вовлекшись в модный европейский мятеж философии социальной против философии эстетической, однако из-за «последствий декабрьских» не имея возможности открыто спорить о политике, государственном устройстве и народной пользе, пошла в литературную критику. Писатели моделировали ситуации, а критики их обсуждали с уже достаточно методологически проработанной позиции «служения общественному идеалу». И далее эта специфика философичности литературной критики и литературности отечественной философии протянулась, качаясь меж публицистичностью и эстетством, до наших дней. Это на Западе литературная критика в философском аспекте рассматривается лишь как расширенный акт чтения, но в России-то от неё ждут большего – выработки ориентированной на правду общественной позиции в отношении проблем, событий, поведения отдельных личностей или социальных групп. Как нет у нас и «чистых» философов, не отметившихся феноменологическим или объективистским разбором чьего-то литературного творчества, куда более влияющего на идеологическую тональность русского общества, чем самая агрессивная партийная пропаганда.

Понятно, что под «обществом» мы здесь подразумеваем не «совокупность людей, объединённых исторически обусловленными социальными форма-

ми совместной жизни и деятельности» – т.е. не рабовладельческое общество или капиталистическое, а «круг людей, объединённых общностью положения, происхождения, интересов». Здесь «образованное», «передовое общество» – это интеллектуальная элита нации, состоящая из лучших представителей религиозных и художественных, научных и промышленных, военных и разночинных кругов и сословий. Элита, принимающая на себя нравственную ответственность за жизнь всей нации.

Наука критики – как философия литературы развивалась параллельно с науками чисто филологической семьи – с литературоведением с её теорией и литисторией, с текстологией, палеографией, семиотикой. Рождались методологические направления и школы, имена Буслаева, Веселовского, Жирмунского, Потебни вставали рядом с именами Белинского, Григорьева, Григоровича, Страхова, и к двадцатому веку русская литература, оснащённая собственными научно-исследовательскими институтами, вошла в мировое лидерство на равных с литературами других имперских языков. Русская литература за двести лет выросла из любительства одарённых и образованных в профессиональный цех, и право на участие в формировании эстетических вкусов и этических взглядов у других славянских народов, в греко-романской, германской, англо-американской, китайской, японской и иных национальных культурах за нашей литературой утверждалось не феноменами гениев, не единичными их произведениями, а именно как за сущностной постоянной в духовной истории человечества. Уже два столетия цивилизованный мир просто немислим без идеалов и образов Пушкина и Тургенева, Достоевского и Толстого, Чехова и Шолохова. Поэтому режим изолирования современных русских писателей от интеллектуальных читательских кругов Европы, Азии, Африки, обеих Америк и Австралии, с шулерской подменой их русскоязычными фарсёрами литрынка, режим, жестокостью цензурирования перекрывший советский «железный занавес», чувствительно ущемляет, ощутимо беднит и обкрадывает мировые культуры.

Смысловая составляющая в литературе доминирует над эмоциональной так, как ни в одном из иных искусств. Литература в отношении других художеств – как математика к остальным наукам: без цифровых расчётов нет ни физики, ни ботаники, ни космонавтики, ни психологии. Без словесного воплощения мыслеобразы не оформлены, не ясны даже самому их создателю, тем более не передаваемы вовне и не фиксируемы. Поэтому

искусство театра, искусство живописи и музыки – даже танцы! – не самостоятельны вне искусства слова. А критика литературы – русская критика, по высоте поднимаемых идеологических, социальных и ремесленных вопросов и по глубине их проработки не имеет аналогов ни в театроведении, ни тем более в критике живописи или музыки, пожалуй, со времён Стасова. Однако и Стасов в своих идеологических программах для художников и композиторов – наследник и продолжатель духовных и национальных исследований «Современника», «Отечественных записок», «Москвитянина».

Своим первородством в культуре литература поставлена в особую ответственность за векторность, направленность развития всех искусств, за ориентацию всякого творчества относительно того самого «служения общественному идеалу». Из философичности нашей литературы тянется пуповина ко всей культуре. Из философии литературной критики – ко всем видам искусствоведения. И как бы мы ни отнекивались, чем бы ни отговаривались, но это нам, литераторам, прежде и более всех отвечать за непрерывность, непресекаемость времени. Писателям и критикам, коим выпало стать живыми проводниками, живой связью сменяющихся цивилизаций, должно сознавать и чувствовать свою ответственность особо: сегодня сострадание, душевность и нравственная неколебимость востребованы обществом как никогда – ведь эта стража перед рассветом, и ждёт народ от литературы сверхподвига, сверхотдачи, полной подчинённости миссии **удержания русскости в России.**

Идея овладевает массами и становится исторической силой через жертвующую себя ей личность. Только самопожертвование, самосгорание идейного человека способно возвести *настроение* общества в *убеждение*, *желание* новой жизни в *волю* её построения. Поэтому каждая эпоха для нас портретна, каждый исторический период поименован и оличен царями и пророками, святыми и поэтами, первооткрывателями и воеводами. Наречётся в чьи-то имена и грядущая эра: всё вокруг уже видимо настраивается, сосредотачивается, уже концентрируется, сгущает чувства и мысли в ожидании тех новых людей, кто своим примером, своей судьбой зажгут пламя русской духовной реконксты.

Грядут имена и для нашей новой поэзии, и для нашей новой прозы, новой критики. Ведь как всегда русской литературе предназначено первой провозвестить миру о часе религиозного общества. И кто на этот раз вспыхнет Пушкиным, Гоголем, Белинским? Скоро, уже скоро мы всё узнаем. Но сейчас не до гаданий, сейчас наша задача удержать культурную среду, не сдать классическое наследие, защитить и сохранить нашу русскость, в лоне которой, слава богу, уже бьётся сердце новой литературы для будущей России.

Василий Владимирович ДВОРЦОВ –

художник, реставратор, прозаик, поэт и публицист.

Секретарь правления Союза писателей России.

Родился в 1960 г. в Томске.

До переезда в Москву 25 лет прожил в Новосибирске.

Автор 11 книг прозы, публицистики, поэзии, драматургии.

*Романы и повести неоднократно переиздавались,
стихи вошли в антологии «Русская поэзия. XXI век»*

и «Молитвы русских поэтов. XX-XXI».

Лауреат международных и всероссийских литературных премий.

В журнале «Север» публикуется впервые.

